Гермиона думала, что дни, когда она посреди ночи получала экстренные вызовы от Холли, прошли, когда та "ушла в отставку" с поста спасительницы волшебного мира. У неё были сомнения на этот счёт, но Холли была очень упряма. После нескольких месяцев спокойных ночей, прерываемых лишь беременностью, а Холли, казалось, наконец-то осела в Нью-Йорке, Гермиона начала расслабляться. Когда она рассказала об этом мужу, тот рассмеялся, и конечно же, в ту же ночь её разбудила знакомая тревога. Рон застонал.

— Твоя очередь.

— Что?

— Я отвечал в прошлый раз.

— Меня тошнило! — Когда Холли звонила в последний раз, почти пять месяцев назад, её тошнило по утрам. Рон взглянул на неё, как бы говоря, что это не считается, и она сердито посмотрела на него. Он пожалеет об этом.

— Всё равно, — сказал Рон, как будто это его оправдывало. В какой-то степени он был прав, они договорились принимать экстренные вызовы по очереди, и поскольку в прошлом это было частым явлением, они перестали придумывать предлоги, чтобы не вставать с кровати. Но она была беременна, это должно было что-то значить!

Она вздохнула, но всё равно вылезла из тёплой постели. Она уже не спеша, как раньше, прошла по коридору их дома на звуки сигнала тревоги. Они установили два типа сигналов для экстренных вызовов. Первый был громким с яркими огнями, он был установлен, потому что Холли нужна была помощь как можно скорее. А этот был вторым, надоедливый звон, который могут слышать только она и Рон. Он означал, что Холли нужна помощь, срочно, но её жизни не угрожала смертельная опасность.

Так что Гермиона могла не торопиться. К счастью, она была не так уж хороша в молниеносном ускорении, особенно во время беременности. Осталось всего пять или шесть недель, и Гермиона не могла дождаться, чтобы больше не быть беременной. Она опустилась на колени перед камином, и пробормотала заклинание, лицо Холли сразу же показалось в пламени.

— Холли, ты знаешь, сколько сейчас времени?

— Сейчас только полвосьмого!

— В Англии уже за полночь.

Холли нахмурилась.

— Прости. Я только что вернулась с работы и не подумала.

— Что случилось, Холли?

— Ты же знаешь, что я работаю в башне Мстителей? Убираюсь, да? — Гермиона кивнула, она до сих пор не могла поверить, что одна из величайших волшебниц мира работает уборщицей без тени смущения или разочарования. Неприкрытая желчь, с которой Холли рассказывала людям, что работает уборщицей, не могла быть здоровой. — Ну, сегодня я поговорила с Тором. Он рассказал мне, что… почувствовал во мне магию.

— Ты нарушила статут? — спросила Гермиона. Если Холли нарушила статут, значит, необходимо как можно скорее разобраться с последствиями. Она знала, что её подруге неприятности не грозят, но не было никакой необходимости в серьёзном нарушении мер безопасности.

— Нет, не это главное, Гермиона. Он сказал мне, почему Локи напал на Землю. Потому что он думает, что волшебный мир уничтожен.

— Что?

Гермиона слушала, как Холли рассказывала о геноциде, которого на самом деле никогда не было, и как Локи скорбел.

— Но это… это невозможно! — запнулась Гермиона. — Чары, которые скрыли волшебный мир, были творением Локи!

— Заклинание было предназначено, чтобы создать защищённые местности, да? — уточнила Холли. — Как пузыри, внутри которых люди будут помнить о магии, а все, кто снаружи, забудут.

— Несколько упрощенно, но да. Локи покинул планету, чтобы наложить чары во всех мирах.

— Таким образом, он оказался за пределами пузырей.

Гермиона осела на пол, в ужасе закрыв рот рукой. Заклинание, которое Локи использовал, чтобы создать рай для всех волшебников, заставило его поверить, что он не сумел никого из них спасти. Самая жестокая ирония в мире.

— Холли, — сказала Гермиона, — что нам делать?

— Я не знаю! Локи не Пожиратель смерти. Я не могу просто избить его и кинуть за решётку, — ответила Холли. — Кроме того, мы все отошли от дел.

— Все? — надавила Гермиона. Она знала, что Холли не очень хорошо справилась со своей

отставкой. Не так, как она сама или Рон. Честно говоря, у её лучшей подруги был практически кризис среднего возраста, а ведь ей ещё и тридцати не было.

— Да, все. Найти своё предназначение — значит не хвататься за меч всякий раз, когда кто-то выглядит так, будто может поранить палец на ноге, — сурово сказала Холли. — Я не собираюсь снова становиться мировым щитом.

Гермиона не стала оспаривать это заявление. Она знала, что Холли страдает из-за множества разных причин, возможно, их было даже больше, чем она могла представить. Её лучшая подруга никогда не признавалась, что была несчастна после того, как Гермиона вышла замуж за Рона и отошла от аврорской работы. Холли была слишком добра, слишком бескорыстна, чтобы сказать об этом. Но Гермиона знала, что после её свадьбы Холли осталась одна, единственная, кто способен противостоять остаткам влияния Волдеморта. Она сделала это, но ценой потери себя по пути.

Даже сейчас какая-то часть Холли, казалось, напряглась, когда речь зашла о её беременности. Дело было не в том, что её лучшая подруга была недовольна появлением ребёнка. Холли любила детей, она ведь помогала растить Тедди. Но беременность Гермионы олицетворяла всё, чего не было у Холли. Потому что что-то случилось, и Холли была недовольна. Казалось, что с каждым месяцем беременности Гермионы напряжение Холли росло. Теперь, ближе к восьмому месяцу, изменения стали заметны.

Какая-то её часть хотела снова попытаться убедить Холли в том, что предназначение — это то, что доставляет удовольствие. Борьба со злом, спасение людей, именно в такие моменты Холли становилась наиболее увлечённой, полной жизни. Холли всё ещё могла творить добро, в ней по-прежнему горел огонь. Но она знала, что ничего не добьётся. Холли была самым упрямым человеком на свете, количество сброшенных Империо было тому свидетельством.

Холли вбила себе в голову, что, поскольку все Пожиратели смерти за решёткой, и в волшебном мире воцарился мир, ей нужно найти что-то новое. Гермиона не собиралась говорить своей подруге, что той не нужно заводить новых увлечений или друзей или, может быть, искать пару. Но судьба избрала Холли как дитя пророчества. Холли была воспитана героиней и будет ей всегда, независимо от того, в отставке или нет.

Но Холли должна была решить это самостоятельно. Не важно, что скажет Гермиона, если Холли несогласна, это не имеет значения. Поэтому Гермиона вздохнула, положила руку на живот и задумалась.

— Я напишу в Визенгамот и постараюсь не упоминать твоего имени. Скажу им, что я перечитывала кое-какие книги по истории и обнаружила несоответствие. Как только они узнают, что Локи не знает о волшебном мире, они решат, что делать дальше. — сказала Гермиона, немного подумав.

— Это Визенгамот, они ничего не сделают. — Холли и в лучшие дни была не очень высокого мнения о Визенгамоте, а когда дело касалось их, она редко бывала в хорошем настроении.

— Если ты не хочешь что-то делать, тебе придётся предоставить это властям.

— Ты права, — согласилась Холли. — Прости, я просто… волнуюсь. Тор — славный парень, и он всегда выглядит грустным, когда речь заходит он его брате.

— Ты хочешь помочь ему.

— Ну да. Просто… если я скажу Тору про волшебный мир, тогда он узнает, что за волшебников не нужно мстить, и сможет рассказать Локи, и, может быть, тогда весь этот бред прекратится.

— Ты не можешь нарушить статут секретности просто потому, что кто-то хороший, и ты знаешь об этом.

— Я уж точно могу, — с ухмылкой ответила Холли.

http://tl.rulate.ru/book/105438/3728217